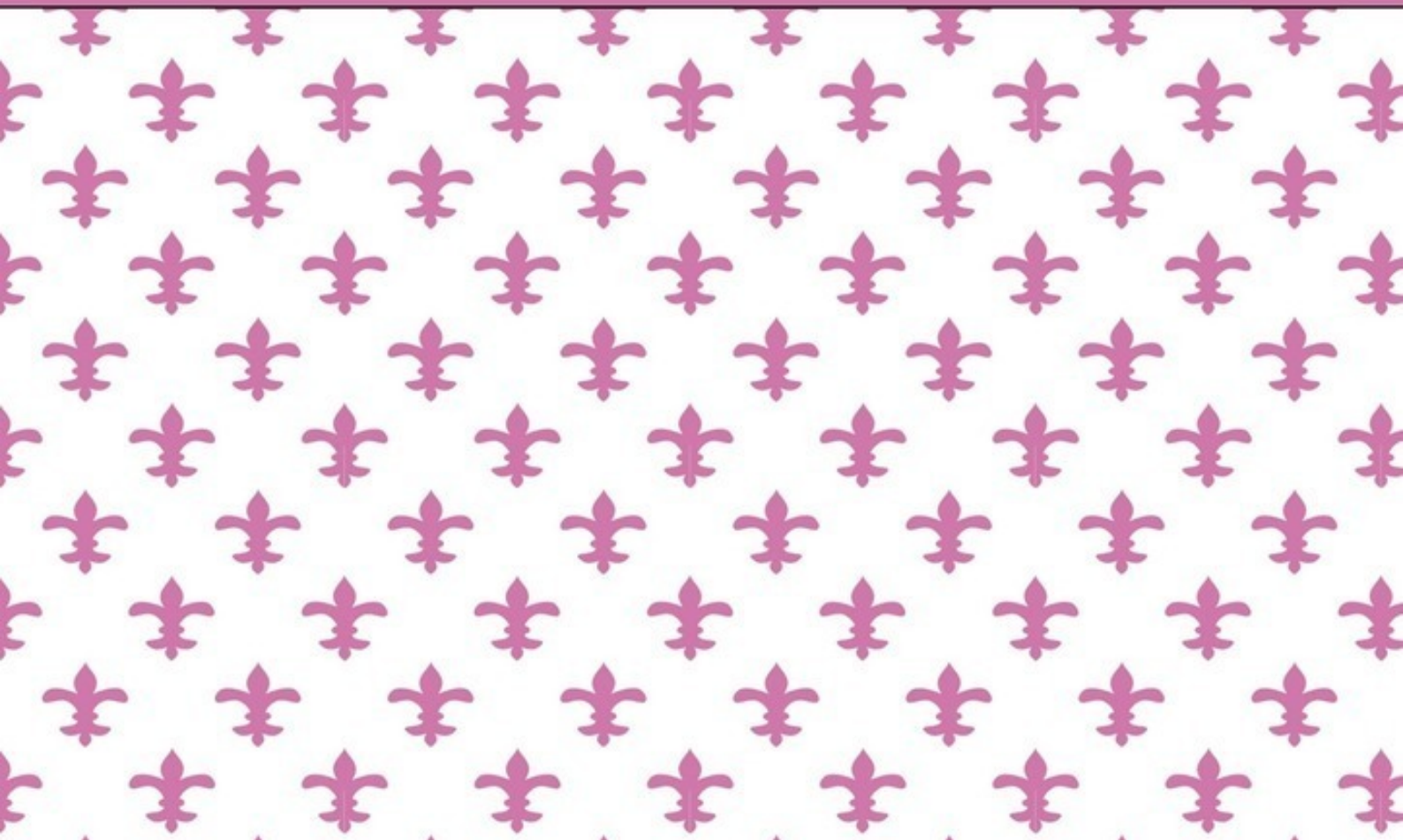

Геннадий Васильев

*Как-нибудь
проживем!*

Книга стихотворений

Геннадий Васильев

Как-нибудь проживем!
Книга стихотворений

«Издательские решения»

Васильев Г.

Как-нибудь проживем! Книга стихотворений / Г. Васильев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835665-0

В новой книге Геннадия Васильева, как всегда, царствует любовь. Что может быть прекраснее этого вечного чувства, этой главной нашей ценности? Стихи обращены к близким и друзьям, некоторые носят характер посвящений. Автора отличает способность не только к признаниям, но и часто к самоиронии, это добавляет легкости и свежести восприятия.

ISBN 978-5-44-835665-0

© Васильев Г.
© Издательские решения

Содержание

«Как расточительно живем...»	6
Амнезия	7
Мы были в Киеве	8
1	8
2	9
3	10
4	11
5	13
Отпускная турецкая	15
Назидание кошке Машке в то время, как мы находились в Турции, а она, будучи дома, кусала Елену Гусеву	17
«Мой телефон молчит, как сука...»	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Как-нибудь проживем!
Книга стихотворений
Геннадий Васильев

© Геннадий Васильев, 2016

ISBN 978-5-4483-5665-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Как расточительно живем...»

Как расточительно живем,
друг друга двигая плечами,
сгорая пестрыми свечами
на вечном поприще своем.
Когда мы, замкнуты в стенах,
глаза любимых ищем рядом, —
еще нам большего не надо,
еще на «ох!» не сменим «ах!»

Когда волнами ходит кровь
и мысль разламывает череп, —
еще нам белый свет не черен,
и сладок пир, и тесен кров.
Еще друзей терять не жаль
и обретать врагов не поздно.
По-прежнему сиренев воздух.
По-прежнему лилова даль.

Но отшумит листва любви,
зашелестят шаги по саду,
и двор с кладбищенской оградой
остынет инеем в крови.
И в небо зимнее споем
последний, лебединый выдох.
Но вместо «Господи, не выдай!» —
«Как расточительно живем!»

Амнезия

Нам кажется, что человек уходит,
а он себя в другой судьбе находит.
Как будто бы дорогу переходит:
нырнет себе в подземный переход

и, улицу так прострелив навывлет,
он выйдет, на затылок шляпу сдвинет,
из портсигара сигарету вынет —
и время обретет иной отсчет.

Для нас оставшись долгим отраженьем,
он заново начнет свое движенье
в другом, уже не нашем измереньи,
в иных, уже не этих временах.

А мы над отражением уроним
слезу, и постепенно посторонним,
а если быть точней – потусторонним
он станет нам.

И в этом нет коварства никакого.
Он проживет и трезво, и толково,
а может быть, смешно и бестолково
свой путь пройдет.

И не волнение – только тень волненья
души его коснется на мгновенье:
ему приснится странное виденье —
дорожный знак, подземный переход.

Привычка размышлять не даст покоя.
«Подземный переход – ах, что такое?» —
И до мозолей лоб сотрет рукою,
и до утра – впервые – не уснет.

Мы были в Киеве

1

Мы были в Киеве. Стоял сентябрь-октябрь —
пора исходов, урожаев и кончин.
Мы были в Киеве, и потому хотя бы
нам было грустно без особенных причин.

Шурша страницами «новейшего завета»,
припав к теории изглоданным сосцам,
терзались практики, совет держа с Советом
у стен вельможных Мариинского дворца.

Мы были в Киеве, а Киев шел в загранку.
Разинув варежки, мы провожали клин.
Галдя по-птичьи, улетали эмигранты,
роняя перья преждевременных седин.

Стоял сентябрь-октябрь. Была непрочной вера.
Ленились дворники и улиц не мели.
И произнес вдруг Ленин голосом Бандеры:
«Ласкаво просимо, кляти москалі!»

И от Крещатика, от Ленина опального,
от старой Лавры не надолго – навсегда —
увез троллейбус нас, шкатулка музыкальная,
рогами прочно подпирая провода.

Осень, 1991

2

На кукурузные початки
похожа старая брусчатка.
Идем, початки те поклевываем,
на расстояния поплеываем.

1991

3

Андреевский спуск

На Андреевском художник
предложил нам пустячок.
Может, купим? Может, сможем.
Может, будем ни при чем.

Он и просит-то полушку,
а глядит на нас, как лорд.
Акварелька, безделушка...
Светлой музыки аккорд.

Сколько красок, сколько масок,
сколько тихих алкашей,
сколько профилей и фасов,
сколько ломаных грошей!

Глина, камни, серьги, кольца,
майки, зонтики, ларцы...
Гениальные пропойцы,
вольной гильдии купцы.

...Чертик дернет – мы отступим,
сами будем ни при чем:
сэкономим, скопим, купим
за полушку пустячок.

Июль, 1995

4

Музей архитектуры и быта. Долина мельниц

Эти мельницы уж крыльями не машут.
Эти крылья прочно схвачены цепями,
точно руки великанов из романа
о рехнувшемся идальго Дон Кихоте.

Только ближе подойди – они расскажут,
положись на их нестарческую память,
прикоснись рукою к почерневшим бревнам,
их тепло пускай ладонь твою щекочет.

Только ближе подойди, коснись рукою —
ты услышишь, как назад качнется время,
как отбросят эти крылья эти цепи,
как завертятся, обрадовавшись ветру!

Жернова жевать зерно, как прежде, станут,
и зерно, как прежде, сыплется мукою.
Выйдет мельник, перепачканный мукою,
и присядет на скрипучую ступеньку,

и запустит взгляд, как жаворонка, в небо,
и увидит в бледном мареве полудня,
как расплавленное солнце остывает,
как лучи его становятся короче.

Там, вдали, белеет избами деревня,
над дорогой облачками пыль витает;
там, колесами скрипя, везут подводы
золотистое зерно в мешках холщовых.

Встанет мельник и поправит белый фартук.
Жернова опять подвинутся согласно.
И опять зерно мукою обернется,
а работа обернется к ночи – мукой.

Это было век назад, а может, больше.
Только ближе подойди – и ты услышишь...
Только лучше погляди – и ты увидишь...
Прикоснись рукой – и время бег замедлит...

Эти мельницы уж крыльями не машут.
Эти крылья прочно схвачены цепями.
Только ближе подойди – они расскажут,
положись на их нестарческую память...

Июль, 1995

5

Прощание с Городом

Ах, как мы из Города уезжали!
Ах, как не хотелось нам уезжать!
Ах, как без Парижа нам, парижанам!
Ах, как же Парижу без парижан!

Как нам без его мостовых бульжных,
фонтанов, каштанами взятых в круг?
Без Города нам ни за что не выжить.
Не выживет Город без нас, мой друг.

Не стерпит, не перенесет разлуки.
Погибнем и мы от него вдали.
Нет музыки в частом колесном стуке,
нет счастья в бегстве за край земли.

Давай все дела на чужбине бросим,
без нас чужбина не загрустит.
Крылом повела, поманила осень:
прости-прощай! Не скучай. Пусти...

Фонтаны умерли, струи скрыли.
Каштанам дрожи не скрыть никак.
Мы в Городе этом не чтоб жили —
в нас этот Город пророс, как злак.

Пророс он, и в сердце проделал рану,
и рана болит, и унять нельзя.
Весною снова начнут фонтаны
пыль водяную пускать в глаза.

Каштаны ударятся в цвет, как в пьянку,
и, головы больше не пряча в зонт,
мои горожане, твои горожанки
взглядами выскоблят горизонт —

и нас не увидят на горизонте,
и мы не отыщем их на своем.
Длинные пути, высоки резоны,
окна вагонного мал проем,

чтоб все вместить, что еще не скрылось,
на чье описание не хватит букв —
тех, что Мефодием да Кириллом
однажды выдуманы, мой друг.

Ах, Город... А мы с тобой уезжали...
И так не хотелось нам уезжать!
Ну как без Парижа нам, парижанам?
И как же Парижу без парижан?

Зачем мы из Города уезжали?..

Отпускная турецкая *На мотив «Летят перелетные птицы»*

Мы к отпуску все – полутрупы,
а мы уже – трупы с тобой.
Летят перелетные группы
в июльской дали голубой.
Томимы томлением странным,
в порыве всеобщем одном,
летят они в дальние страны,
и в жаркие все, в основном.

А мы-то – в страну Ататюрка,
где солнце не сходит с небес.
А здесь, представляете, – турки
с турчанками ходят и без.
Здесь горы по имени Тавры,
как фески, несут облака.
И веря преданиям старым,
туристы балдеют слегка.

Здесь всюду чужая культура
и всюду родные шумы.
Здесь каждый – по-своему турок,
а турки – по-своему мы.
Они говорят тебе: «Здрасьте!»,
а ты им в ответ: «Мераба!»
Здесь все лишены самовластья:
наш гид – это наша судьба!

Орут бестолковые детки,
и море волнует прибой.
Сухие бараньи котлетки —
недолгой, но тоже судьбой.
А турки глядят сиротливо,
как, пользуясь «всем включено»,
мы дуем холодное пиво
и пьем ледяное вино.

...Почтив, как смогли, Ататюрка
(Кемаль Мустафа, мы с тобой!),
летят перелетные турки
назад, из Бельдиби, домой.
Там снова ставрида на ужин,
которую лопать нельзя.
Нам ужин турецкий не нужен!

Холодного дайте язя!

Назидание кошке Машке в то время, как мы находились в Турции, а она, будучи дома, кусала Елену Гусеву

Турецкие кошки, Маша, не то что наши:
и тело у них – не тело, и шерсти – клоч.
Живут, где попало. Едят такое, что, Маша,
твой организм никогда б усвоить не смог.

Зато как изящны, Маша! Зато как томны!
Сколько свободы в движеньях хвостов и лап!
Так, как будто бы весь этот мир картонный
для них одних специально создал Аллах!

Они, снисходя, позволяют себя погладить.
Они говорят нам (кошачий язык един):
«Вы б лучше пожрать догадались чего наладить!
Мы хоть и изящны, но иногда едим».

Такое вот, Маша, дело – чужое тело.
Ты по сравнению с ними так велика,
что, захоти сравняться, не похудела б.
Не получилось бы. Не смогла бы никак.

Но это неважно. Что нужно от кошки людям,
пускай мала она или пусть велика?
«Мур-мур!» – и ладно. И мы тебя, Маша, любим
за то, что ты говоришь на всех языках.

Вот так-то, Маша.
Но мысль я продолжу далее.
Если ты будешь кусать наших гостей,
мы отправим тебя самолетом «КрасЭйр» в Анталию,
чтобы знала ты: мир состоит из разных частей.

«Мой телефон молчит, как сука...»

Мой телефон молчит, как сука,
поджавши свой плетеный хвост.
Хотя б вполголоса, вползвука
он до меня тебя донес.

Хоть шелест твоего дыханья,
хоть смех. Хоть плач, в конце концов!
Не донесет. Его молчанье
насмешкой дышит мне в лицо.

Я ненавижу эту муку.
От воскресенья до среды
мучитель мой молчит. Ни звука.
Ни избавленья, ни беды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.